

От вора нет запора

М. Розанова

Эта коллекция принадлежит художнику-прикладнику А. К. Петрову.

— Скажите, Александр Константинович, какой Ваш самый любимый ключик?

— Охотно, — отвечает Александр Константинович, — и рассказывает про два ключа: изящную диковину с треугольной бородкой и картинно, кокетливо закрученной головкой (а талия! Боже, какая талия у этого медного щелкопера! С таким ключом только на любовные свидания ходить в каком-нибудь там дцатом столетии. Смотрите... Смотрите — им открывают садовую калитку... Ах, чем это кончится?) и соседствующий ключ — ключ-антипод, черный, массивный, без легкомысленной грации, но со своей затейливостью, своей заковыкой — он открывал хитроумные висячие замки, за которыми тоже прятались разные ценные предметы. За семью замками...

А что нам семь замков, когда имеется у нас в запасе триста разных ключей, и неужели мы, немножечко поразмыслив, не подберем ключик к вашему сердцу?

Например, вот этот, разыщите его, — он самый маленький, с головкой сердечком — крошечным окрыленным сердечком. Это мог быть ключ от шкатулки, бювара или просто от часов... А кто знает, какие тайны открывал любой из этих ключей? И, наверное, именно потому, что ключ всегда связан с открытием и в ключе всегда есть что-то от заклинания (кстати, вспомним: «ключи счастья», «золотой ключик», «ключ города Бремена», «ключевые позиции»), — может быть, именно поэтому было когда-то такое скульптурное совершенство у этих домашних карманных идиолов. Если хотите — это своего рода искусство для искусства, поиски чистой формы, которая даже глаз радовать не должна (а только сердце и воображение), ибо по смыслу ключ есть предмет тайный, созданный не для обозрения. Его всегда прячут — в кармане, в сейфе, у дежурного в проходной, а иные ключи даже на шее носят и лишний раз никому не показывают. Самым грандиозным ключом этого собрания в семнадцатом веке открывали дом. Наверное, это был дом-крепость, дом-оплот, дом-склад, дом-сокровищница. И ключ от него был под стать — ростом в целых тридцать сантиметров, кованый, увесистый...

Теперь мы открываем наши квартиры маленькими штампованными плоскими ключами. На связке их размещается штук пять-шесть, и все они друг на друга похожи: что от входной двери, что от комнаты, что от соседней квартиры...

Должно быть, так происходит потому, что мы освободились

от многих тягот наших славных предков и нам не надо ломать голову, как бы это похитрее запереть мешки с зерном, золотые горы, приданое дочке и самую дочку. Все наши сокровища удобно размещаются в сберегательной кассе, и мало-помалу ключ превращается в чистый символ.

Интересен переход от сугубо индивидуализированного, ручной работы старого ключа к штампованным, массовым ключам, в производстве которых исходили из одной общей болванки. Очень долго не хотели расстаться с объемом, с округлостью, и на многих французских и американских ключах видно, как после штампа заоваливали, зализывали острые грани, стараясь придать ключу более интимную внешность.

Есть в этой коллекции даже ключи-уроды, вырубленные из металлической полосы — самоделки военного времени.

Можно долго рассказывать, как ключ вместе с фарфором, костюмом, мебелью старательно повторяет стили «большого» искусства — архитектуры, скульптуры и живописи. Это элементарно. Но один из ключей А. Петрова дает «обратное движение» привычной схеме — это курьезный складной ключ, типичное детище технического прогресса.

Налицо набор хороших принципов — конструктивен, логичен, техничен, минимум места при максимуме содержания, но... этот ключ остался одиноким вундеркиндом с инженерным образованием. Слишком много интеллектуальной энергии вложено в эту безделицу, а может быть, нельзя дробить большие идеи, механически применяя их к мелочам быта (вспомните иронию Маяковского: «подтяжки имени Семашки»).

Как всякий коллекционер, Петров держит на примете еще несколько ключесобирателей, и, как у всякого коллекционера, есть у него заветная мечта: далеко-далеко, в глухой костромской деревне живет старик с тремя бочками ключей — вот бы к нему съездить! Да-да, уже много лет этот старик собирает ключи и складывает их в бочки. Две бочки уже наполнил, а в третьей — больше половины. Причем он никогда не достает их оттуда, никогда не рассматривает и не грешит никакой коллекционерской систематизацией. Он просто СОБИРАТЕЛЬ в изначальном смысле этого слова.

Зачем, спрашивается? А потому, что существует поверье, что много ключей — это к счастью. Вот бы туда съездить! И найти к этому старику ключик...

